

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Отечественная история

УДК 94(470)+351.746(091)

DOI 10.37386/2413-4481-2025-2-80-84

Сергей Валерьевич Ананьев*Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Москва, Россия, sergey_ananyev1982@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ ВОПРОСОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РУССКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ В ПРИВИСЛИНСКОМ КРАЕ В 1894–1904 гг.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность местных органов власти Привислинского края Российской империи в 1894–1904 гг. по обеспечению общественной и государственной безопасности. Дается оценка политике по предотвращению угроз внутренней безопасности, представлявших опасность в связи с существовавшими в польских губерниях империи национальным, конфессиональным, социальным и другими вопросами. В работе использованы ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, а также общенаучные методы исследования. *Ключевые слова:* Привислинский край; польские губернии; государственная безопасность; общественная безопасность; русификация; унификация; революционное движение; реформы; конфессиональный вопрос; полицейский надзор.

Sergey V. Ananyev*Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia, sergey_ananyev1982@mail.ru*

IMPLEMENTATION OF STATE AND PUBLIC SECURITY MEASURES BY THE RUSSIAN ADMINISTRATION IN PRIVISLINSKY KRAI (1894–1904)

Abstract. This article analyzes the efforts of local authorities in the Privislinsky Krai of the Russian Empire between 1894 and 1904 to uphold state and public security during the pre-revolutionary period. Focusing on the Polish provinces – a region deemed the most volatile within the empire due to acute national, confessional, and social tensions – the study evaluates the administration's policies aimed at mitigating internal threats. The research employs retrospective, problem-chronological, and historical-comparative methods, alongside general scientific approaches, to assess the efficacy and implications of these measures.

Keywords: Privislinsky Krai; Polish provinces; state security; public security; Russification; unification; revolutionary movement; reforms; confessional issue; police supervision.

В современных условиях обострения международной ситуации на западных рубежах Российского государства изучение исторического опыта деятельности органов власти по обеспечению государственной и общественной безопасности приобрело особую актуальность, что ставит не только перед исследователями, но и перед представителями власти задачу по извлечению исторических уроков в схожих условиях.

Целью исследования является рассмотрение деятельности местных органов власти в Привислинском крае Российской империи предреволюционного периода с 1894 по 1904 г. по обеспечению общественной и государственной безопасности и определение степени ее эффективности.

В рамках исследования политики местной администрации в польских губерниях Российской империи предреволюционного периода, помимо

архивных документов и законодательных актов, привлекались исторические источники и литература.

Краткий обзор особенностей проведения данной политики по обеспечению государственной и общественной безопасности в Привислинском крае в 1894–1904 гг. в отечественной историографии проводится впервые.

Научная новизна исследования заключается в анализе проводимой местными властями политики по обеспечению государственной и общественной безопасности в польских губерниях с 1894 по 1904 г., расширении источниковой базы исследования за счет документов, хранящихся в отечественных государственных исторических архивах, и извлечении исторических уроков, способствующих дальнейшему совершенствованию организации системы обеспечения внутренней безопасности в западных

регионах Российского государства на современном этапе его развития.

Деятельность местных органов власти в Привислинском крае Российской империи по обеспечению государственной и общественной безопасности в предреволюционный период с 1894 по 1904 г. продолжала оставаться в канве осуществляемой русификации и унификации, проводимой с помощью административно-полицейских охранительных методов управления, и по-прежнему отражала крайнюю озабоченность правящего режима в связи с наличием целого комплекса нерешенных политических, социальных, конфессиональных, национальных проблем, объединенных в так называемый «польский вопрос». Меры по укреплению русского землевладения, влияния православной церкви, унификации народного образования, привлечению русских чиновников, усилению военно-полицейского контингента должны были стать залогом внутренней безопасности и общественного порядка в регионе.

Несмотря на первоначальные ожидания, политика по русификации, проводимая с 1883 по 1894 г. в польских губерниях Российской империи генерал-губернатором И. В. Гурко, вызвала обратный эффект со стороны как польского общества, так и местного еврейского населения, привела к еще большему их национальному сплочению и, как следствие, росту их сепаратистских устремлений.

Сменивший И. В. Гурко на посту варшавского генерал-губернатора граф П. А. Шувалов (1894–1896 гг.), ввиду недолгого нахождения в должности, ничем примечательным себя не проявил, предложив лишь программу по улучшению положения крестьян в польских губерниях. С этой целью предполагалось расширение деятельности Крестьянского банка, учреждение долгосрочного кредита и правильная организация переселенческого дела [1, л. 15]. Предлагалось также увеличить денежное содержание сельским чиновникам [2, л. 57].

В противовес ранее проводимой в Привислинском крае политике генерал-губернатором П. А. Шуваловым было оказано влияние на некоторое ослабление политической цензуры, что вызвало положительную реакцию со стороны польской общественности [3, с. 88–89]. При этом, однако, новый генерал-губернатор был не чужд проявлениям твердости и строгости в вопросах обеспечения безопасности. Так, после пропажи ящика с динамитом начальнику местной земской

стражи он поставил ультиматум: найти виновных лиц или «убираться со службы» [4].

Прибывший на пост генерал-губернатора Привислинского края князь А. К. Имеретинский (1897–1900 гг.) начал свою административную деятельность с объезда многих губернских и даже уездных польских городов в преддверии готовящейся поездки императора Николая II в Варшаву, на которую польская общественность возлагала большие надежды.

Его политическая программа предполагала существенный пересмотр прежних способов управления Привислинским краем, уход от старых принципов управления, основывавшихся на поддержании внутреннего порядка исключительно путем опоры на военно-полицейскую силу. Конечную русификацию региона он считал несбыточной. Его политическая программа вызвала одушевление в польском обществе и прессе, надежды на предоставление возможности культурного и национального развития [5, с. 104–109], но получила вполне ожидаемую критику со стороны русской консервативной печати. Однако дальнейшие циркуляры А. К. Имеретинского похоронили надежды поляков и напомнили им о том, что с ними следует «разговаривать не иначе как по-русски» [6, с. 235]. Так, им была утверждена инструкция для войск, призывавшая военных начальников к оказанию содействия гражданским властям по предупреждению и прекращению народных волнений и беспорядков.

Новый генерал-губернатор обозначил проблемные вопросы, влиявшие на состояние внутренней безопасности Привислинского края, которые ему предстояло решить: религиозные нужды православных; неэффективный надзор за католическими священниками; слабая постановка учебного дела; экономический гнет малообеспеченных слоев населения; стеснения в сооружении ж. д.; несоответствие русских чиновников края своему назначению [7]. Нерешенность литовского вопроса (разрешение использования литовской азбуки) со времени издания высочайшего повеления в 1866 году о печатании литовских изданий русским шрифтом, по его мнению, также сохраняла потенциальную опасность общественных протестов.

А. К. Имеретинский полагал, что более пристальное внимание следовало обратить и на униатский вопрос в связи с активным переходом приверженцев униатской церкви в католичество и отказом их занесения в списки православных

лиц [8, л. 3]. Таких «упорствующих» лиц насчитывалось около 100 тыс. чел. Следует отметить, что влияние извне на данный процесс при этом не наблюдалось. Император Николай II не разделял точку зрения генерал-губернатора, и процесс колонизации не католического населения был продолжен.

Что касается крестьянского вопроса, представлявшего потенциальную опасность для общественной безопасности в регионе, генерал-губернатор предлагал открыть особый временный комитет и увеличить оклады чиновникам, начиная от комиссара по крестьянским делам и заканчивая его председателем [9].

Со стороны А. К. Имеретинского наблюдалась критика и в отношении приезжего русского чиновничества [10, с. 213]. Проблемным вопросом кадровой политики стало недофинансирование, которое неуклонно вело к снижению как самой численности личного состава административного корпуса в Привислинском крае, так и образовательного ценза для кандидатов. Новый генерал-губернатор в марте 1898 года потребовал от губернаторов повышения качества их отчетов о состоянии общественной жизни губерний и настроения населения, достоверности подаваемых сведений, контроля привлекаемых к дознаниям лиц, учета всех правонарушений, перепроверки фактов, принятия мер и подготовки своевременных докладов о происшествиях [11, л. 11–31].

Безусловно, среди прибывших в Привислинский край русских чиновников находились и истинные радетели упрочения авторитета русской власти в регионе, пытавшиеся внести свою существенную лепту не только в укрепление его внутренней безопасности, но и в его хозяйственное развитие. К числу таких администраторов следует отнести сувалкского (1884–1885 гг.), а затем селецкого (1885–1904 гг.) губернатора Е. М. Субботкина, который за двадцатилетний срок своей деятельности практически полностью перестроил транспортные коммуникации, здания школ, больниц, приютов, за что был удостоен уважения со стороны местного населения [12, с. 736]. Другим, одним из наиболее последовательных практиков строительства православных храмов и распространения русского языка в школах края стал варшавский губернатор Д. Н. Мартынов, пытавшийся упрочить положение русских властей в польских губерниях. Большой вклад в улучшение вопроса губернского страхования строений от огня в губерниях Привислинского края внес

келецкий губернатор (1884–1897 гг.) Н. Ф. Иваненко. Укреплению внутреннего порядка и общественной безопасности в Петроковской губернии (1890–1904 гг.) в значительной степени содействовал губернатор К. К. Миллер [13]. Спаду межнациональной напряженности в своей губернии посредством решения литовского вопроса и разрешения печатания литовских книг латинским шрифтом способствовал сувалкский губернатор Э. А. Ватаци (1898–1902 гг.).

Представители местных властей признавали сохранение стабильности общественного настроения, не выходявшего за рамки контроля правоохранительных структур Привислинского края. Благотворным для народной нравственности стало повсеместное закрытие шинков, кабаков и других питейных заведений вследствие введенного Положения 1894 года «О казенной продаже питей». Однако сильное деструктивное влияние на население края продолжала оказывать католическая пропаганда, эффективным средством для предотвращения которой, по мнению варшавского губернатора Д. Н. Мартынова, должны были стать русские школа и образование, на которые, к сожалению, не доставало бюджетных средств [2, л. 45–48].

В 1895–1899 гг. практически все районы Привислинского края охватил рост стачечного движения. Нередко забастовки сопровождались стычками с полицией и войсками. В частности, в Петроковской губернии для усмирения рабочих пришлось обратиться к военной силе и применению оружия.

Распространение в указанный период получило бытовое воровство, для искоренения которого местное руководство предлагало увеличить численность земских стражников в крае [2, л. 50]. Другим преступным проявлением, нарушавшим внутренний порядок польских губерний, стало «ножевничество», которое проявилось в массовом хождении рабочих и ремесленников с ножами и решении многих уличных споров поножовщиной. Кроме того, бесчинствовали разбойничьи шайки [6, с. 286].

11 июня 1899 года варшавским генерал-губернатором было издано обязательное постановление о домовых дворниках и ночных сторожах, согласно которому нарушители постановления в Варшаве и Лодзи подвергались штрафу суммой до 300 рублей или аресту сроком до 1 месяца [14]. Генерал-губернатор мог налагать взыскания в виде штрафов суммой до 500 руб. и ареста на

срок до 3 месяцев. Тем самым усиливался паспортный контроль местного населения с дальнейшим вовлечением польских губерний в общеимперскую паспортную систему.

Кроме того, А. К. Имеретинский признавал важность усиления средств жандармской агентуры и поощрения чинов пограничной стражи и жандармерии за поимку контрабандистов с запрещенными изданиями. Главным же гарантом общественного спокойствия в Привислинском крае, по его мнению, оставалась русская армия [15, л. 14–21].

Начало XX века в отечественной историографии характеризуется ростом рабочего революционного движения в большинстве регионов Российской империи. В данном случае Привислинский край не стал исключением, здесь также наблюдалось общественно-политическое брожение.

Начиная с 1903 года революционные организации в польских губерниях стали действовать более открыто и смело, несмотря на противоречия с польскими националистическими организациями. В период с 1900 по 1903 год в польских городах Варшава, Лодзь, Белосток, Ченстохова прошли массовые стачки. Проводившиеся в регионе первомайские выступления нередко заканчивались стычками с полицией и казаками и последующим арестом участников демонстраций.

В 1904 году с началом Русско-японской войны и проводимой в связи с этим мобилизации к форме протеста добавились антивоенные выступления и демонстрации варшавских рабочих и солдат. В том же году в Варшаве была создана военная революционная организация при РСДРП.

Деятельность нового варшавского генерал-губернатора М. И. Черткова (1901–1905 гг.) характеризовалась жесткой и бескомпромиссной направленностью в отношении польской общественности. Придя к управлению польскими губерниями, М. И. Чертков объявил себя продолжателем политики И. В. Гурко, подвергнув критике своего предшественника за отступление от консервативной политической линии в управлении Привислинским краем [16, с. 45].

Политика М. И. Черткова привела к конфликту с министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским – сторонником примирительного политического курса в Привислинском крае. Надо признать, что отдельные русские администраторы в польских губерниях, в связи с эскалацией общей социально-политической ситуации, старались вести сдержанную политику в отношении польско-

го населения и католической церкви, сглаживать возникающие противоречия и споры [17, с. 474].

В период управления краем М. И. Чертковым наблюдался рост благотворительной деятельности и уменьшение преступности. Следует отметить, что основную угрозу государственной безопасности в регионе администрация М. И. Черткова видела в усилившемся польском влиянии, проявлявшемся в росте польского землевладения и образования. С октября 1904 года лицам польского происхождения было запрещено приобретать помещичьи имения в 9 западных губерниях Российской империи. Однако анализ архивных документов показал, что рост русской колонизации в Привислинском крае, хоть и незначительный, но все же наблюдался [2, л. 40 об. – 41].

В начале XX века в польских губерниях Российской империи продолжалась активная агитация (особенно со стороны ксендзов) против внедрения русских школ, но положительных сдвигов в школьном деле не наблюдалось. В то же время отмечалось упорное отчуждение местного католического населения от изучения русского языка, а борьба с этими проявлениями при помощи административно-полицейских мер приводила лишь к их дальнейшему озлоблению против политики властей [2, л. 40–43]. Местные власти пытались приостановить данный процесс, получив с 1900 года право налагать административные наказания за тайное обучение детей в польских частных школах в виде штрафа суммой в 300 руб. или ареста сроком на 3 месяца [5, с. 113]. Вплоть до 1904 года во всех учебных заведениях Привислинского края продолжалось преподавание на русском языке [18, с. 15]. В то же время в 1904 году был снят запрет на использование латинского шрифта в литовском языке.

С началом Русско-японской войны в 1904 году внутренняя обстановка в Привислинском крае стала стремительно ухудшаться в связи со снижением экономического благосостояния местного населения, активизацией революционных сил и национальных движений. Процесс завершения интеграции западных окраин в государственную структуру Российской империи был приостановлен. Показательным индикатором ослабления русского влияния в данном регионе стало резкое снижение прироста населения. Наблюдалось падение производства в крае, несмотря на значительное развитие городской инфраструктуры. Общий социально-политический фон оставался неблагоприятным и имел предпосылки к даль-

нейшему ухудшению [19, л. 69–107]. Не лучшим был и кадровый вопрос, а также качественный состав местного чиновничества, так как наиболее благонадежные служащие отказывались переводиться на службу в регион из-за невысоких окладов, роста цен на жилье и неблагоприятной криминальной ситуации. Врачебно-санитарная часть и народное образование также находились в неблагоприятном состоянии [2, л. 33–35].

Таким образом, проводимая как центральными, так и местными властями политика, которая должна была способствовать укреплению государственной и общественной безопасности в польских губерниях, ввиду своей непоследовательности и противоречивости, не достигла своих целей и вызвала обратный эффект, усилив сначала недовольство, а затем и протестное движение со стороны местной польской радикально-политической общественности.

Польское общество предреволюционного периода, отчуждаясь от процесса интегрирования в общеимперскую государственную систему, под-

вергалось политической радикализации со стороны польской эмиграции, местных революционеров и националистов. Польская молодежь все чаще вступала в ряды различных революционных организаций и обществ, что в значительной степени способствовало эскалации ситуации в преддверии Первой русской революции 1905–1907 гг.

В складывавшейся ситуации местным органам власти сверху рекомендовалось проявлять большую терпимость, не провоцируя местное население на проявления общественного недовольства и протеста, в то же время строго пресекать все противозаконные проявления [8, л. 81 об.]. Рекомендовалось повысить эффективность деятельности администрации и учреждений Привислинского края, оградить население от произвола и злоупотребления властей, способствовать повышению благосостояния населения и его экономического развития. Следовательно, в политике по обеспечению государственной и общественной безопасности местным органам власти нельзя было ограничиваться лишь сугубо репрессивными мероприятиями.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 466.
2. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 312. Д. 2.
3. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Л.: Гос. изд-во, 1924. 471 с.
4. ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 9 (мкф).
5. Пильц Э. Русская политика в Польше. Варшава: Тип. акц. общ. С. Оргельбранда С-вей, 1909. 143 с.
6. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Н. П. Карбасников, 1909. 292 с.
7. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 469.
8. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 468.
9. ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 1 (мкф).
10. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999. 270 с.
11. ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 5.
12. Альманах современных государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. 1250 с.
13. ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 2 (мкф).
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1863–1917. Ст. 1362.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 230.
16. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Изд-во МГУ, 1991. 254 с.
17. Смородинов В. А. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды учебного быта // Русская старина. 1913. № 9. С. 464–491.
18. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы I Мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
19. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 312. Д. 1.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 13.04.2025.

The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 13.04.2025.